

Т.Г. Пархалина

**НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ**

***Аннотация.** Настоящий обзор подготовлен по материалам общероссийской научной конференции, организованной ИНИОН РАН при сотрудничестве с коллегами из московских и региональных вузов страны.*

Основной целью конференции было проведение дискуссии по ключевым вопросам развития Европейского континента в условиях острейшего геополитического кризиса, обусловленного конфликтом в центре Европы. Центральными оказались вопросы безопасности и путей выхода из кризиса, реформирования европейского политического ландшафта (отдельных стран и институтов), экономического измерения кризиса.

***Ключевые слова:** Европа; ЕС; Россия; безопасность; политический ландшафт; замедление экономического роста; санкции; энергетика.*

Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук,
советник директора, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: parkhalina@inion.ru

Parkhalina T.G. The Present and Future of Europe: Challenges and Perspectives. Conference overview

***Abstract.** This overview is based on the materials of the Russian academic conference organised by INION RAN, in which researchers from Moscow and regional universities took part in.*

The main goal of the conference was to launch the discussion on the main issues of European development in the context of a serious geopolitical crisis stemming from the military conflict in the center of Europe. The discussion focused on security issues and ways of resolving the crisis, as well as a reformation of the European political landscape (individual countries and institutions) and the crisis' economic dimension.

***Keywords:** Europe; the European Union; Russia; political landscape; slowing economic growth; sanctions; energy field.*

**Parkhalina Tatyana Glebovna – Candidate of Historical Sciences,
Advisor to the Director, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: parkhalina@inion.ru**

16 мая 2022 г. в ИНИОН РАН прошла общероссийская научная конференция под упомянутым выше названием, организованная Методсоветом Центра глобальных и региональных исследований при участии коллег из московских академических институтов и университетов, а также из региональных университетов России (Екатеринбург, Саратов, Ярославль).

При подготовке конференции исходным моментом было осознание того, что сегодня Европа переживает один из самых драматических периодов своего развития после окончания Второй мировой войны. В эпицентре нынешнего кризиса не просто российско-украинский военный конфликт, но и противостояние России и Запада. В мире ведется дискуссия – является ли нынешний конфликт предвестником третьей мировой войны и формирования нового мирового порядка или же лишь региональным конфликтом, который закончится некими договоренностями, фиксирующими статус-кво. Участники конференции попытались ответить на вопросы, как нынешний кризис повлиял на всю систему евроатлантической и глобальной безопасности; каковы пути выхода из него, каким образом переформируются политические системы европейских государств, функционирование международных институтов, каковы экономические последствия не только для воюющих сторон, но и для многих европейских акторов, каковы условия функционирования производственных цепочек в условиях санкционной войны, применения финансовой стратегии отдельных игроков в условиях воздействия трансформирующих факторов.

В своем вступительном слове директор ИНИОН РАН член-корреспондент РАН, д.э.н. А.В. Кузнецов отметил что, несмотря на сложнейшую ситуацию, Европа – это тот регион, который был и остается предметом исследования представителей всех академических кругов, в том числе и ИНИОН РАН, поскольку Россия – это неотъемлемая часть европейской цивилизации.

В ходе первой сессии, посвященной вопросам безопасности, на пленарном заседании выступили представители ИНИОНа, Екатеринбургского и Саратовского университетов. В своем докладе «Год изменивший мир» советник директора ИНИОНа к.и.н. Т.Г. Пархалина отметила, что отсчитывает этот «длинный» год от 15 декабря 2021 г., когда Россия предъявила США и НАТО требования по предоставлению ей гарантий безопасности, смысл которых сводился к тому, что США и НАТО должны взять на себя обязательство

не принимать в свои члены бывшие советские республики, такие как Украина, Грузия, Молдова и государства Центральной Азии, вывести свою инфраструктуру за границы 1997 г. и начать переговоры по гарантиям безопасности для РФ. Запад ответил на это предложением начать переговоры по контролю над вооружениями и продолжать таковые по новой стратегической стабильности, объясняя при этом, что обязательства по нерасширению Альянса противоречат его уставным документам (ст. 10 Вашингтонского договора, а также положениям Хельсинкского заключительного акта 1975 г. и Парижской хартии 1990 г.).

На отказ от переговоров Москва ответила 24 февраля 2022 г., начав специальную военную операцию (СВО) на территории Украины, обозначив в качестве двух основных целей «денацификацию» и «демилитаризацию» соседней страны, аргументируя это тем, что с территории Украины исходит угроза безопасности РФ. Операция ведется и поныне, обретя форму острого военного конфликта, которого Европа не знала после 1945 г. и куда косвенным образом втянуты не только государства Евро-Атлантики, но и страны так называемого «глобального юга», такие как Китай, Иран, обе Кореи, государства Ближнего Востока и Африки.

Анализируя те изменения, которые произошли в мировой и европейской системе безопасности за 1,5 года конфликта, приходится констатировать следующее:

1. Европа и мир оказались в эпицентре геополитического разлома всей системы международных отношений, когда нарушился баланс ее политико-военных и экономических элементов.

2. Формируется новый мировой порядок, но совсем не такой, какой предсказывали ряд российских экспертов, которые многие годы, говоря о многополярном мире, по сути, имели в виду трехполярный мир; когда США, Россия и Китай договорятся об определенных правилах и будут решать судьбы планеты. Практически весь Западный мир (США, Евросоюз, Япония, Австралия и ряд других, конечно, с определенными нюансами) встал на сторону Украины политически и практически, осудив действия России. Эти страны оказывают Украине экономическую и военно-техническую помощь, поставляя ей системы вооружений, необходимые для ведения боевых действий против РФ.

Великобритания выступила с инициативой формирования нового военно-политического союза с участием Украины (в него готовы войти 12 стран, включая Польшу, страны Балтии, Венгрию, Румынию, Турцию и др.), который мог бы предоставить гарантии безопасности этой стране с учетом того, что она не является членом Североатлантического альянса и на нее не распространяется ст. 5 Вашингтонского договора.

Президент Э. Макрон выдвинул другую инициативу – создание Европейского политического сообщества, куда вошли бы страны, стремящиеся

к членству в ЕС, или вышедшие из него (Великобритания). Два саммита ЕПС уже прошли в Праге и Кишиневе.

Также возникла Контактная группа по обороне Украины или «формат “Рамштайн”» (от названия одноименной авиабазы ВВС США в Германии, где проходят встречи участников). В группу входит более 50 стран, цель её – оказание военно-технической помощи Украине.

Все эти паллиативные структуры являются дополняющими, но не конкурирующими с двумя евроатлантическими институтами (НАТО и ЕС).

3. НАТО расширилось, в Альянс вступила Финляндия, после чего граница РФ с государством – членом этого военно-политического союза увеличилась на 1320 км; на пороге вступления находится Швеция. Восточный фланг НАТО был укреплен кратно, впервые силы быстрого реагирования Альянса превысили 300 тыс. человек, произошло наращивание военного контингента США в странах Юго-Восточной Европы, таких как Болгария, Венгрия, Румыния, Словения. В Польше размещен на постоянной основе штаб 5-го армейского корпуса США, произошло наращивание военного присутствия США в странах Балтии (причем на постоянной основе).

Мадридский саммит НАТО (июнь 2022 г.) принял новую стратегическую концепцию Альянса, в которой впервые после окончания холодной войны Россия вместо стратегического партнера признается наиболее серьезной и прямой угрозой безопасности стран НАТО [Встреча НАТО 2022].

Согласно документу, произошел коренной пересмотр осуществляемых НАТО коллективной обороны и сдерживания (впервые после холодной войны), формируются усовершенствованные планы обороны с большим количеством сил повышенной боевой готовности и заблаговременно выделенными силами для обороны конкретных союзников, происходит размещение большого числа войск, техники и запасов оружия на восточном фланге Альянса, усиливающих восемь многонациональных боевых групп НАТО, возросло общее финансирование.

Таким образом, приходится констатировать усиление военного потенциала НАТО, рост трансатлантической солидарности и все большую привлекательность этого военно-политического Альянса для европейских стран.

4. Евросоюз объявил 11 пакетов санкций против РФ. На сегодня Россия испытывает на себе санкционное давление (США + ЕС + Япония + Канада + Австралия и др.), невиданное в послевоенной истории XX–XXI вв. Таким образом, предположение о том, что Европа не вмешается и не будет реагировать на СВО, с учетом ее энергетической зависимости от российских ресурсов, оказалось не соответствующим действительности, даже Германия за год практически полностью отказалась от российских энергоресурсов. Да, в целом российская экономика сумела сдержать удар, но она упрощается и примитивизируется, а ряд отраслей переживает ощутимые потери.

5. Крайне важны и позиции не-Запада в условиях геополитического разлома и переформатирования всей системы международных отношений. Китай, Индия, государства Центральной Азии сохраняют так называемый «про-российский нейтралитет», но вместе с тем, дистанцируются от поддержки России в конфликте. Действительно, Китай и Индия получают российские газ и нефть по демпинговым ценам, но явно воздерживаются от поставок вооружений. Китай отчетливо взял курс на то, чтобы вместе с Турцией контролировать все пространство Центральной Азии, о чем ярко свидетельствуют результаты саммита КНР – Центральная Азия (прошел в Китае 16 мая 2023 г.), в ходе которого Китай перезапустил свой проект ОПОП (один пояс – один путь) в обход России и взял на себя гарантии по обеспечению суверенитета центрально-азиатских государств.

Впервые с начала СВО такие дружественные России страны, как Китай, Индия, ЮАР, Бразилия (члены БРИКС), проголосовали 26 апреля 2023 г. в Генеральной Ассамблее ООН за антироссийскую резолюцию.

Военный конфликт еще далек до своего завершения, но уже сейчас очевидно, что явившись вначале «политическим землетрясением» для Европы и серьезным потрясением для всего мира, он приведет к формированию нового мирового порядка с элементами предыдущего, но и с новыми конструкциями, которые будут определять не только вопросы войны и мира, но и глобальные системы в сфере энергетики, распределения производственных цепочек, финансов и т.д. [Saxer 2022].

Среди тех сценариев относительно будущего мирового порядка, которые обсуждаются в экспертных сообществах разных стран – от возможного формирования реально мультиполярного мира с разным влиянием различных полюсов на развитие мировых событий до новой биполярности (США – Китай) с различной степенью подчиненности им других центров силы, Европа, ее архитектура безопасности, будут играть существенную роль. На сегодняшний день обозначились четыре основные вектора ее развития: сдерживание России, автономизация в сфере обороны, ремилитаризация, рост удельного веса и значимости Восточной Европы в рамках всего континента.

Неизбежно возникает вопрос – а какова роль России в будущей системе европейской безопасности? Во многом это будет зависеть от самой России. Пока, приняв новую концепцию внешней политики, Москва по сути декларировала «географическую переориентацию» своей внешней политики с Запада на Восток. Однако нет сомнения в том, что в будущем, после окончания СВО и военного конфликта в целом мировые игроки неизбежно окажутся за столом переговоров для определения новых правил поведения в поствоенном мире. Сейчас это кажется маловероятным, но неизбежно начнутся переговоры в каком-то европейском или неевропейском городе, который станет символом нового европейского и мирового порядка, где и европейские столицы,

включая Москву и Киев, и Вашингтон, и Пекин, и Дели и ряд других игроков вынуждены будут не только вести переговоры, но и определять новые правила игры, несущие конструкции новой глобальной и европейской архитектуры безопасности – военной, политической, геополитической, гуманитарной.

Доклад доцента Саратовского университета к.и.н. Д.С. Алексеева был посвящен теме «Новые контуры системы европейской безопасности: реалии и перспективы». Докладчик подчеркнул, что он трактует понятие «система европейской безопасности» в расширительном его значении, включая в нее не только государства Западной и Восточной Европы, но и страны так называемого постсоветского и евразийского пространств. В ходе выступления был сделан небольшой экскурс в историю, который показывает, что крупнейшие конфликты приводили к существенным коррективам фундаментальных основ международных отношений и по сути способствовали введению в политический и научный оборот понятия «новый мировой порядок». Так было и после Первой и после Второй мировой войн, когда стали говорить о новом мировом порядке не только в политической, но и в экономической областях, когда создавались новые наднациональные институты и организации. В середине XX в. новый миропорядок имел относительно четкие очертания, правовую и институциональную форму.

В новейшей истории термин новый мировой порядок входит в политическую повестку в связи с окончанием холодной войны, распадом СССР, и связывается с появлением мира, где США рассматривали себя как единственная супердержава и лидер **американоцентричного мира** (Администрация Дж. Буша-старшего, Чарльз Краутхаммер «Момент однополярности», Ф. Фукуяма и др.). Об опасностях подобного видения мира после холодной войны говорили и писали многие исследователи и комментаторы (в частности С. Хантингтон «The Lonely superpower» 1999). Однако данный **«новый мировой порядок»** так и не получил, на наш взгляд, определенного законченного формата, а сам термин и его содержание все чаще носил расплывчатое и размытое значение и содержание. Иными словами, мир после окончания холодной войны находился в процессе поиска нового динамического равновесия, сопровождавшегося драматическими процессами распада Югославии, СССР, появлением новых конфликтов и перегруппировкой политических сил.

Мировой порядок после Второй мировой войны стал результатом длительного переговорного процесса и определенных компромиссов, он имел устойчивый экономический (Бреттон-Вудс), политический (Ялта-Потсдам) фундамент, фундамент в сфере безопасности (пусть и конфронтационный).

В связи с этим докладчик выдвинул первый тезис, который связан с тем, что система нового мирового порядка за более чем 30 лет после падения берлинской стены и распада СССР, так и не смогла обрести определенную и законченную форму, а была сформирована на весьма неустойчивых и противо-

речивых фундаментальных основах. **Запад и Восток создали определенную, довольно эффективную форму экономического взаимодействия**, которая постепенно сложилась во взаимовыгодную цепочку сотрудничества (как оказалось, для ее частичного демонтажа потребовалось совсем немного времени).

Что же касается в равной степени приемлемой для всех игроков на поле европейской безопасности конструкции, то тут возникает масса вопросов. Система старалась различными путями искать этот равновесный баланс, но три десятилетия показали, что он до сих пор не найден.

Кроме того, в формировании правил и принципов нового миропорядка после окончания холодной войны фактически не принимали **участие новые влиятельные игроки, такие как Китай, Индия, Бразилия**. По сути они инерционным способом влились в постбиполярный мир глобализации. Сегодняшние драматические события, по мнению докладчика, указывают на то, что поиск более устойчивого и долгосрочного фундамента нового миропорядка вступает в свою решающую фазу.

То же самое справедливо и для системы европейской безопасности. Она так и не смогла трансформироваться в полноценную универсальную систему, основанную на взаимно устраивающих компромиссах.

Для нее были характерны: Горбачев с идеей общего пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока; попытки построения моделей взаимодействия в широком контексте европейской безопасности (ОБСЕ, ПРМ, основополагающий акт Россия НАТО, позднее Совет Россия – НАТО, особые двусторонние отношения Украина – НАТО; вступление в НАТО стран Балтии); Д. Медведев и отвергнутая идея создания единого пространства безопасности на фоне продолжающегося процесса расширения.

Возникает вопрос: был ли оптимальным курс Запада по взаимодействию с постсоветской Россией? Это вызывает сомнения. Западу степень вовлечения в институты евроатлантической безопасности в той степени, которой она достигла к началу 2000-х годов, казалась вполне достаточной для приемлемого и безопасного сосуществования.

В связи с этим второй тезис, который напрашивается из вышесказанного: построению интегрированной системы европейской безопасности помешала в том числе не вполне адекватная оценка и анализ процессов эволюции (в различных областях экономической, политической, социальной), происходивших на пространстве бывшего СССР. Так и не был сформулирован ответ на вопрос, как бывшие республики СССР адаптируют практики построения наций-государств, что видят в качестве изменяющихся национальных интересов, и, самое важное, как вплетать эти национальные интересы (имеющие разнонаправленные векторы и противоречия) в общую модель европейской безопасности (в широком смысле этого понятия).

Украинский кризис и проведение Россией СВО подводят к формированию третьего тезиса: каковы перспективы и эволюция этого процесса? Вопрос, ответить на который сегодня определенно не может никто. Все решается на фронтах.

Тем не менее можно констатировать, что значительная часть сторон, способных оказывать влияние на процесс, не заинтересованы в затяжном конфликте [Гусев 2023]. Однако каким бы ни был процесс завершения конфликта, система будет стремиться к поиску относительно долгосрочного баланса в рамках новых контуров.

В связи с этим, наиболее вероятными видятся два сценария:

Эксклюзивный баланс с сохранением изоляции России в определенной степени повторяющий паттерны холодной войны, что отчасти можно назвать относительно стабильным состоянием с понятными и обозначенными правилами и моделями взаимодействия. В данном случае задачей исследователей будет ответить на вопрос о причинах этого и предложить пути выхода. Очевидно, что ответ будет носить сложный и многофакторный характер.

Инклюзивный баланс с формированием общих институтов, которые включали бы в себя Россию и страны Восточной Европы (Украина, Молдова, Белоруссия). Каков формат этой включенности, где будут проходить границы – в настоящее время определить весьма сложно. Уровень противоречий настолько высок, что любой предполагаемый сценарий переговоров кажется в нынешних условиях труднодостижимым. Тем не менее исторический опыт показывает, что даже конфронтационная устойчивость постепенно стремится к снятию напряжений и переходу к неконфронтационной модели, поэтому существует определенный, хотя и слабый, повод для оптимизма.

Выступление профессора Екатеринбургского университета д.и.н. В.И. Михайленко было посвящено очень важной теме, а именно «Факторы, влияющие на динамику отношений Россия – ЕС. Ценности и государственные интересы». Докладчик отметил, что отношения между ЕС и Россией в полной мере испытывают влияние таких глобальных и региональных факторов, как пандемия, СВО России в Украине, соперничество Китая и США. Под влиянием этих факторов решение таких глобальных проблем, как восстановление прерванных производственных цепочек и поставок, введение санкций и ограничительных мер приобретает избирательный характер с учетом противоборства ценностей и национальных интересов. Количество санкций, которые наложили на Россию ЕС и западные союзники, превысило 13 тыс. – больше, чем ввели против Ирана, Кубы и Северной Кореи, вместе взятых.

Европейские ценности определяют модель европейского общества (европейского образа жизни). Защита и продвижение демократических ценностей является приоритетной задачей, однако руководство ЕС считает, что санкции следует применять, когда Китай и Россия нарушают фактические красные

линии в своей внешней политике, а не в своей внутренней политике. В свое более широкое геополитическое и геоэкономическое мышление и политику ЕС вводит снижение рисков. При осуществлении производственной делокализации и диверсификации ЕС использует принцип «friendshoring».

Что касается России, то эволюция ценностей и государственных интересов заняла длительное время. В нынешнем виде государство и общество формировались с 1993 по 2020 г. (Принятие обновленной Конституции РФ в 2020 г.). Сегодня имеет место совпадение пропагандируемых ценностей, массового поведения и государственных интересов.

На смену советским теориям классового противоборства и концепции «пришли геополитические конструкторы, которые рассматривают современность как непримиримое противоборство культур и цивилизаций (Указ Президента РФ об «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»). Концепты «Евразийская цивилизация», «Русский мир», «Новороссия» – это современные идеи. Имперско-территориальное мышление имеет религиозную матрицу и занимает центральное место в русском православии, во всей византийско-христианской политической культуре. Империя воспринимается как бастион против Антихриста. Можно говорить о том, что массовое общество (так называемый «глубинный народ» по Суркову) и современные правящие элиты совпали в мировидении.

Таким образом, одним из оснований для конфликта по линии ЕС – Украина – Россия является цивилизационный и ценностный разлом. В связи с этим при любых условиях развития противоборства между ЕС и Россией не следует ждать восстановления прежних отношений. Политика friendshoring устанавливается на долгие годы. Альтернативой смягчения отношений является достижение гибкой «комплексной взаимозависимости», по образцу отношений между США и Китаем. Но для этого обе стороны должны располагать заинтересованными ресурсами и осуществлять прагматическую политику.

Доклад д.ю.н. главного научного сотрудника ИНИОН РАН В.Н. Чернеги был посвящен теме «Франко-германского тандема в меняющейся системе координат европейской безопасности».

Докладчик отметил, что на протяжении десятилетий так называемый тандем Франции и ФРГ играл определяющую роль в процессе европейской интеграции, в том числе в оборонной сфере, где, благодаря их скоординированной позиции, были созданы некоторые предпосылки для формирования «европейской автономной обороны»: упомянуты такие цели, как учреждение в ЕС политики в области безопасности и обороны в 1989 г., формирование Еврокорпуса в 1992 г., Военного комитета в 2001 г., Европейского агентства по вопросам обороны в 2004 г., Фонда европейской обороны в 2016 г., запуск положения Лиссабонского договора о Постоянном структурированном

сотрудничестве в области безопасности и обороны (PESCO) в 2017 г., образование Европейской инициативы вмешательства и Европейского разведывательного колледжа в 2018 г., Европейского фонда поддержания мира (European Peace Facility) в 2021 г. Стоит упомянуть также наделение Фонда европейской обороны в 2021 г. бюджетом в 7,9 млрд евро на 2022–2027 гг. [Манойло 2020; Сидоров 2023]. Конечно, перед лицом НАТО и из-за НАТО речь шла об очень скромных шажках в направлении «европейской автономной обороны», но, нужно это подчеркнуть, даже они вряд ли были бы сделаны без франко-германского тандема. Особо следует отметить, что наполнение ряда из отмеченных инициатив реальным содержанием произошло или ускорилось после того как президентом Франции был избран в 2017 г. убежденный «европеист» Э. Макрон, мечтающий о «державе Европе», как и мировом «центре силы», которого, после некоторых колебаний, поддержала канцлер А. Меркель.

Докладчик подчеркнул, что хотя тандем не является официальным термином, это не просто фигура речи, он имеет правовые и организационные рамки, к примеру, совместный Совет по вопросам обороны и безопасности, в который входят руководители государств, министры иностранных дел и обороны, начальник генштаба ВС Франции и генеральный инспектор бундесвера, совместный Совет министров с участием президента, премьер-министра, с французской стороны, канцлера с германской стороны, а также профильных министров. Они обычно собираются один-два раза в год для координации, как двустороннего сотрудничества, так и политики внутри ЕС. Среди политических и правовых актов, принятых с той же целью, нужно выделить Мезебергскую декларацию 2018 г. и, конечно Ахенский договор 2019 г., который обе стороны сочли «развитием» известного Елисейского договора 1963, подписанного Ш. де Голлем и К. Аденауэром [Трунов 2021].

Ярким примером координации действий тандема явилась франко-германская инициатива по созданию «Нормандского формата» с целью урегулирования украинского кризиса. Сегодня эта инициатива критикуется во многом справедливо, но стоит вспомнить, что Франция и Германия взяли на себя роль посредников, несмотря на отсутствие единства в ЕС по данному вопросу.

Однако в 2022 г., после прихода к власти в Германии О. Шольца, в отношениях между Парижем и Берлином наметилось очевидное охлаждение. Поводами явились сначала конкретизация канцлером объявленной им в августе инициативы по созданию европейской ПВО «Скайшилд», поддержанной 13 государствами – членами ЕС и Норвегией и фактически оставляющей «на обочине» сходный франко-итальянский проект затем его визит в ноябре 2022 г. в Пекин, не скоординированный с Парижем. Французские СМИ и политики заговорили о смене, по вине Берлина, «стратегической парадигмы» в двусторонних отношениях, ставящей под вопрос функционирование тандема.

Есть ли основания для подобных опасений? Большинство французских специалистов считают, что нынешние разногласия являются лишь надводной частью айсберга. Под ней скрываются глубинные противоречия, которые существовали давно и сейчас начинают выходить на поверхность. Докладчик упомянул лишь некоторые из них. Во-первых, Франция, страна с неугасшим «державным комплексом», обладающая ядерным арсеналом, статусом постоянного члена ООН, заморскими департаментами и территориями в Атлантическом и Индо-Тихоокеанском регионах, а также традиционным влиянием в Африке с момента создания тандема, при президенте В. Жискаре д'Эстене (1974–1981) и канцлере Г. Шмидте (1974–1982), претендовала на политическое лидерство в нем, хотя уступала ФРГ по экономической мощи. Франция всегда рассматривала ЕС как мультипликатор своих экономических и международных возможностей. Лидирующая же роль в тандеме позволяла ей одновременно использовать вес последнего для усиления своего влияния на процесс европейской интеграции в национальных интересах и повышать свой вес вне ЕС. Неслучайно во французском политическом обиходе тандем часто называли интимным словом «пара».

ФРГ долгое время, казалось бы, более или менее принимала такое положение вещей. Но по мере того, как ее экономическое превосходство становилось все более ощутимым, особенно после объединения Германии, она была все менее склонна мириться с ним. Стоит привести несколько данных. ВВП Германии сегодня почти на треть больше ВВП Франции, ее доля в мировом производстве товаров и услуг составляет 7,6%, Франции – 3,5%. Доля Германии во внутренней торговле ЕС – 22%, доля Франции – 9%. Для Франции Германия является первым по значению торговым партнером и первым инвестором, для Германии Франция – четвертый торговый партнер и пятый инвестор. Франция импортирует из Германии почти в 2 раза больше, чем экспортирует на ее рынки (в 2021 г. соответствующие показатели составляли 62 млрд евро и 102 млрд евро). Германия давно является экономическим локомотивом ЕС.

Именно поэтому германские элиты считали все менее приемлемой ситуацию, когда инициативы в области европейской интеграции в основном выдвигала Франция, а оплачивать должна была главным образом Германия. В вопросе «европейской автономной обороны» к этому добавлялись опасения более проатлантически настроенных немцев, того что идти на поводу у Франции с ее державными устремлениями, иногда вступающими в противоречие с интересами США, было чревато подрывом «трансатлантической солидарности» и единства НАТО. Конечно, как уже было сказано, А. Меркель поддержала Э. Макрона в ряде его инициатив, направленных на продвижение более глубокой интеграции, в том числе в оборонной сфере. Но это было в правление в США Д. Трампа, который, как известно, не только положил

конец переговорам по трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП), которое продвигала А. Меркель, и грозил торговой войной Германии, но также остро критиковал НАТО и ЕС. С приходом к власти Дж. Байдена поддержка Германии проектов Э. Макрона снизилась.

С течением времени стали все более заметными расхождения во внешнеполитических приоритетах двух стран. Франция, все более испытывающая недостаток финансово-экономических возможностей для проведения державной политики, в частности на важнейших для нее средиземноморском и африканском направлениях, стремилась и стремится мобилизовать для этого ресурсы ЕС, что требовало поддержки Германии. Однако последняя без энтузиазма относилась к соответствующим французским проектам, ее приоритетом был восток Европы, затем вступление в ЕС восточноевропейских государств позволило ей, как заявил в 2018 г. тогдашний посол ФРГ в России Р. Фон Фрич, стать «центром силы в центре Европы» особенно после вступления в ЕС восточноевропейских государств.

В целом Германия сама постепенно осваивает «державную политику», хотя пока старается делать это осторожно. Она оказала, например, определенную поддержку Франции как по линии ЕС, так и в двустороннем плане в борьбе с джихадистами в бывших французских колониях в зоне Сахеля в Африке. Однако, соответствующая помощь, как считают сегодня в Париже, оказалась недостаточной и Франции приходится сворачивать не только военное, но и политическое присутствие в этих странах. Напротив, Германия обрела там определенные позиции и продолжает свое проникновение в регион [Трунов 2020с].

Обострение украинского кризиса объективно содействовало продвижению Германии к «державной политике», которое, по определению, входит во все большее противоречие с распределением ролей в тандеме, к которому всегда стремилась Франция. Уже упоминавшиеся шаги Германии по созданию европейской ПВО или «соло» О. Шольца в Пекине вписываются в данную тенденцию. Выделение германской властью в 2022 г. 100 млрд евро на перевооружение и перевооружение бундесвера, объявленные ею планы увеличить военные расходы страны сверх 2% ВВП, требуемых НАТО, обозначили перспективу появления у нее самой мощной конвенциональной армии в ЕС. Обеспокоенность Франции по этому поводу, как представляется, сыграла свою роль в том, что Э. Макрон продвигает сейчас через парламент повышение оборонного бюджета своей страны в 2024–2030 гг. на 41%. Стоит отметить, что во Франции еще до украинских событий ряд экспертов выражали тревогу по поводу возможного, как они считают, проведения Германией более националистической политики, маргинализирующей Францию и подрывающей перспективу «державы Европы».

По мнению докладчика, эти страхи преувеличены. В прошлом году канцлер О. Шольц поддержал Э. Макрона, в очередной раз призвавшего ЕС

продвигаться к «стратегической самостоятельности», подразумевающей в частности, автономию в военной сфере. Перевооружение Германии, общее увеличение военных бюджетов государств – членов ЕС, рост европейской военной промышленности, которое поддерживает Брюссель, объективно ведет к созданию материальной базы для нее. Недавние высказывания Ж. Борреля о необходимости принятия решений в инстанциях ЕС по вопросам внешней политики большинством голосов, к чему также призывал Э. Макрон, свидетельствуют, что в объединении есть силы, которые стремятся укрепить его дееспособность на международной арене. По логике вещей это требует наличия и собственного военного потенциала.

Другое дело, что Э. Макрон и О. Шольц, судя по всему, по-разному видят «стратегическую самостоятельность Европы». Для Э. Макрона она означает способность ЕС противостоять, в случае необходимости, Соединенным Штатам, что подтвердили его недавние заявления после визита в Пекин в апреле 2023 г. о том, что ЕС не должен во всем следовать за Вашингтоном. Притязания О. Шольца, как представителя Германии, пока так далеко не простираются, его удовлетворила бы ситуация, когда США больше прислушивались бы к голосу европейцев. В этом расхождении отражаются и различия в общественном мнении, согласно которым поддержка в ФРГ союзнических отношений с США выше, чем во Франции.

Стоит указать также, что Э. Макрон настороженно относится к дальнейшему расширению ЕС, особенно за счет Украины, видимо, полагая, что это укрепит проамериканскую группу восточноевропейских стран объединения во главе с Польшей. Отсюда его идея Европейского политического сообщества, создающего видимость «приобщения к Европе» без членства в ЕС. В то же время О. Шольц не видит проблемы в расширении, похоже проамериканская позиция Киева не вызывает у него большой обеспокоенности.

В заключение докладчик подчеркнул, что франко-германский тандем, действительно, сталкивается с серьезными проблемами. Однако в сотрудничестве и взаимодействии, как по линии ЕС, так и в двустороннем плане он остается слишком сильным, чтобы эти проблемы могли его разрушить. Вместе с тем тандем переживает определенное переформатирование, связанное с утверждением ведущей роли Германии. Тандем и дальше будет влиять на процесс европейской интеграции, но все больше по германским лекалам. Это болезненная перемена для французов, которая может сказаться на результатах президентских выборов 2027 г.

Выступления основных докладчиков вызвали дискуссию, смысл которой сводился к необходимости исследования причин нынешнего кризиса, а также роли отдельных международных игроков, таких как Китай, Индия, Иран, Великобритания, отдельных стран – участников евроатлантических институтов, роли международных институтов (ООН, ОБСЕ, ШОС).

С дополнительными докладами выступили сотрудники ИНИОН РАН: вед.н. сотрудник к.п.н. Ф.О. Трунов и научный сотрудник А.Ф. Дырина.

Ф. Трунов в своем выступлении сделал акцент на проблеме «Стратегической автономии ЕС и европеизации деятельности НАТО (подход ФРГ)». Было отмечено, что в исследуемом контексте важным является вопрос о соотношении функционалов двух евроатлантических институтов – НАТО и ЕС – в сфере безопасности и обороны. После четверти века (с момента постановки Петербургских задач 1992 г.) достаточно медленного развития стратегический потенциал Европейского союза стал весьма динамично развиваться с конца 2010-х годов. Наиболее иллюстративно создание PESCO (Постоянного структурированного сотрудничества, ПОС; 2017 г.), «ветвление» его проектных комитетов (четыре волны в 2017–2021 гг., пятая – в мае 2023 г.), нашло разноаспектное освещение в работах российских исследователей [Никитин 2020, с. 60–68; Никуличев 2020]. Декларативно наибольшую активность проявляла Франция; так, именно президент Э. Макрон выступил с инициативой создания «европейской армии» [Чернега 2020], наиболее активно из государств – членов ЕС участвуя в работе PESCO [Сидоров 2020]. Пятая республика в развитии «интервенционистской инициативы» сыграла ключевую роль в запуске в начале 2020 г. первой миссии ЕС с боевой компонентой *Takuba* в Мали (2020–2022) [Сидоров 2022]. Достаточно распространенной в конце 2010-х годов стала гипотеза о том, что Европейский союз сможет забрать на себя часть потенциала Североатлантического альянса [Арзаманова 2020], что означало фактическую трансформацию формулы «Берлин +» (2002). Вместе с тем даже в случае Франции содействие наращиванию потенциала ЕС (прежде всего, функционального, технико-технологического) сочеталась с внесением растущего вклада (в основном войскового, т.е. личным составом и техникой) по линии НАТО. Этот дуализм наблюдался в случае практически всех государств-членов обоих евроатлантических институтов, в том числе такого «тяжеловеса», как Германия – в ее активности на различных направлениях как внутри зоны ответственности Североатлантического альянса [Трунов 2020а, Трунов 2020b], так и вовне нее [Трунов 2019].

По мере развития конфронтации с РФ росли военные ресурсы НАТО, т.е. войска, непосредственно находящиеся в подчинении Альянса в настоящий момент или резервируемые для использования под его эгидой. Тем самым Североатлантический союз «завязывал» свои усилия на силы общего назначения (СОН), т.е. «тяжелые» войска, густо насыщенные танками, бронетехникой, артиллерией, предназначенные к использованию крупными массами и применяемые либо на территории самого государства. Либо в относительной близости (сотни км) от границ его и соседей. Численно СОН представляли собой преобладающую часть национальных вооруженных сил, имея в своем составе (в зависимости от размеров ВС конкретного государства в целом)

тысячи, десятки и сотни тыс. военнослужащих. ЕС стремился закрепить за собой основную составляющую сил кризисного реагирования (СКР) – войск высокомобильных (в частности, имеющих вертолеты, катера, автомашины, в том числе легкобронированные), предназначенных к использованию на существенном отдалении (многие тысячи км) от территории государства. Эти немногочисленные (сотни, тысячи военнослужащих) войска предназначались для использования в зонах нестабильности. Собственно, СКР должны были составить основу «европейской армии» – относительно небольших войск, должных продемонстрировать появление у ЕС полноценной военно-стратегической глобальной субъектности. Если СКР представляли собой войсковое наполнение «европейской армии», то большая часть проектных комитетов PESCO (как проектных, так и технико-технологических) – соответствующее разноплановое обеспечение её деятельности. На это косвенно указывала направленность проектных комитетов ПСС, в которых ведущую роль играли Германия, Франция и Нидерланды [Сидоров 2020, Трунов 2020а, Трунов 2020b].

Вместе с тем на пути реализации такого разделения вставал ряд серьезных препятствий. Во-первых, на практике ЕС не смог пока продемонстрировать своих возможностей как всеобъемлющего провайдера безопасности в зонах нестабильности – прежде всего, это продемонстрировала обстановка в Мали и в целом Сахаро-Сахельском регионе, ставшем центром приложения соответствующих усилий ЕС в последнее десятилетие [Сидоров 2022, Трунов 2019]. Во-вторых, даже с учетом экстренной эвакуации сил НАТО из Афганистана (2021) [см.: Новикова 2022] и отсутствия у Альянса просматриваемого подобного направления для реализации потенциала в области урегулирования вооруженных конфликтов, едва ли НАТО будет согласна передать ключевую ответственность на этом очень важном функциональном треке в пользу ЕС. Наконец, в-третьих, сам Европейский союз отнюдь не готов передавать Североатлантическому альянсу всю полноту ответственности за выстраивание конфронтаций с незападными державами, особенно с РФ. Это показала линия официального Брюсселя в пользу разноаспектной военной поддержки официального Киева на фоне СВО России начатой 24 февраля 2020 г., тем самым в имиджевом плане был нанесен серьезный урон имиджу Европейского союза как потенциального миротворца на глобальном уровне. Притом события 2022–2023 гг. продемонстрировали в военно-политической сфере возможности ЕС по выстраиванию несоизмеримо меньше, чем у НАТО.

Дырина А.Ф. посвятила свое выступление Бухарестской девятке. Бухарестская девятка представляет собой объединение девяти стран: Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Чехии и Эстонии. Задачей данного интеграционного объединения является повышение интенсивности регионального политического и военного сотрудничества в рамках НАТО и укрепление возможностей союзной обороны и сдерживания в региональном

пространстве «от Балтики до Черного моря». Объединение носит антироссийский характер – Россия обозначена в качестве основной угрозы безопасности на восточноевропейском направлении.

Выступающая проанализировала итоги саммита Бухарестской девятки, состоявшейся в феврале 2023 г. в Варшаве. Американский президент обозначил, что Альянс будет продолжать оказывать военную помощь Украине. Семь стран Бухарестской девятки, за исключением Болгарии и Венгрии, выступали «за» военную помощь Украине. Президент Литвы призвал США к большему участию и увеличению количества поставляемого оружия. Польская сторона озвучила, что ждет усиления присутствия Альянса в разнообразных формах. Президент Румынии занял жесткую позицию по вопросу необходимости сдерживания России. Польшу и Румынию объединяет ярко выраженная антироссийская позиция и стремление к активному взаимодействию с США.

Противоположные позиции выразили две страны Бухарестской девятки: Болгария и Венгрия. Президент Венгрии выступила за урегулирование украинского конфликта мирным путем, прекращение огня и поставок вооружений и возвращение к мирным переговорам. Болгария еще в 2022 г. отказывалась подписывать итоговую декларацию, выступая против ускоренного вступления Украины в НАТО, подчеркивая необходимость выработки параметров мирного урегулирования конфликта между Москвой и Киевом.

Таким образом, можно отметить, что единого мнения в вопросе урегулирования российско-украинского конфликта в Бухарестской девятке нет.

Всеми выступающими отмечалось, что нынешний кризис далек от своего разрешения, вопросы безопасности будут оставаться ключевыми для Европейского континента на ближайшие годы, поэтому задача академического сообщества состоит в том, чтобы объективно анализировать те тенденции, которые возникли и развиваются в Евро-Атлантическом регионе и которые будут определять его развитие на ближайшие десятилетия.

Нынешний кризис – самый острый и глубокий в истории после окончания Второй мировой войны, причем имеющий не только европейское, но и глобальное измерение, что привело к политическому переформированию европейского политического пространства, отдельных стран и институтов. Поэтому вторая сессия конференции и была посвящена проблематике политического переформатирования европейского политического ландшафта, о чем и говорили докладчики, каждый из которых выбрал свой ракурс анализа.

Так, профессор Ярославского университета д.и.н. Г.Н. Канальская посвятила свой доклад проблематике «Политической экологии в европейском измерении».

Было подчеркнуто, что политическая экология в лице ее носителей – экологических партий, или «зеленых», считавшихся когда-то радикальными аутсайдерами, довольно успешно нашла свое место в политическом мейн-

стриме, особенно в Европе, став константой мировой политики. «Зеленые» во всем мире превратились из защитников окружающей среды в политические партии с широко социальной базой, способные побеждать на выборах и занимать самые высокие посты в правительствах. Консолидация экологов на базе общей программы оформилась в рамках Европейской зеленой партии (УЗП), созданной в 2004 г., на сегодняшний день в ЕЗП входят партии экологов из всех 27 государств Евросоюза.

Приоритетным направлением стратегии ЕЗП в Европейском союзе (ЕС) в целом и в национальных государствах провозглашается борьба за гражданские и социальные права.

Выборы в Европейский парламент (ЕП) в мае 2019 г. ознаменовались «подъемом зеленой волны», так как в девятой легислатуре Европарламента «зеленые» впервые за 40 лет с момента первых выборов получили 10 % депутатских мест? 71 из 751 вместо 52 в период легислатуры 2014–2019 гг. – и стали четвертой по численности фракцией.

В Европарламенте экологи объединены в единую фракцию вместе с регионалистской партией «Европейский свободный альянс» (ЕСА), сформированную в 2014 г. под названием «Группа Зеленых / Европейский свободный альянс» («Зеленые / ЕСА»). Из 27 государств – членов ЕС в Европарламенте экологи избраны от 16 стран.

Среди причин, поднявших «зеленую волну» в 2019 г., во-первых, стало превращение проблемы изменения климата в одну из ключевых в современном мире. Второй причиной стало ослабление позиций правящих, или системных, партий в ряде стран Западной Европы, а также социал-демократов во второй по численности фракции в ЕП. К 2022 г., когда основные партии продолжали терять популярность, а изменение климата вызывало беспокойство избирателей, партии зеленых были в национальных правительствах Австрии, Бельгии, Финляндии, Германии, Ирландии и Люксембурга. Как отмечали некоторые эксперты, череда потрясений, в том числе финансовый кризис 2008 г., волна громких террористических атак и волна миграции с Ближнего Востока и Северной Африки в 2015 г. подстегнули переход избирателей из центристских партий в альтернативы слева и справа.

На этой «зеленой волне» волне 11 декабря 2019 г. ЕС принял программу «Европейский зеленый курс» (ЕЗК), открывающую по сути новую парадигму хозяйственно-политического развития 27 стран Евросоюза. Коронакризис, начавшийся в марте 2020 г., негативно повлиял на дальнейшую разработку механизмов, инструментов и масштабов проведения намеченных «зеленым курсом» мероприятий, замедлив их продвижение, но не остановив инициатив со стороны институтов.

Что касается непосредственно партий «Зеленых», то отметим, что существует проблема их самоидентификации. Большинство зеленых считают себя

экономическими левыми, но их ориентация на децентрализацию и местные решения отделяет их от многих традиционных социалистических партий. Некоторые аналитики утверждают, что политическая экология, смещаясь к центру, имеет уникальные возможности для того, чтобы отвлечь недовольных избирателей от крайне правых. В массе мобилизационных экологических социальных движений по типу «эколого-распределительных конфликтов», направленных на осуждение «экологического неравенства», проявляется связь с другими факторами дискриминации: полом, расой, социальным классом, территорией, религией, языком и т.д. Если обратиться к такой стратегии экологов как «низовая демократия», то на этом политическом поле у них возникают серьезные конкуренты в лице молодежных движений за климат и социальную справедливость, защиту окружающей среды и биоразнообразие. Таким образом, наряду с традиционной политической экологией формируется новый тип движения, представленный не только молодыми людьми, но и олицетворяющий собой новый тип мобилизационного социального движения. Смогут ли зеленые партии привлечь их в свои ряды – вопрос.

Тем не менее в условиях, когда растущее большинство людей рассматривают изменение климата как «серьезную угрозу», экологи, развивая свой политический дискурс, могут быть готовы к дальнейшему росту своего влияния.

Н.Ю. Лапина д.п.н. главный научный сотрудник ИНИОН и известный российский исследователь внутриполитической проблематики современной Франции представила анализ особенностей политического пейзажа Французской республики начала второго президентского срока Э. Макрона.

Докладчик отметила, что за последние годы произошли системные изменения в политической жизни Франции. По результатам избирательных циклов 2017 и 2022 гг. в стране сложилась трехполюсная конфигурация политического пространства. В центре находится президент Э. Макрон и его партия «Возрождение», слева и справа популистские партии – «Непокоренная Франция» (НФ) Ж.-Л. Меланшона и «Национальное объединение» (НО) М. Ле Пен.

В 2022 г. Э. Макрон был повторно избран президентом Французской Республики. Однако главными победителями стали популистские партии. Меланшону удалось на основе своей партии создать электоральное объединение «Новый народный экологический и социальный союз». В ходе парламентских выборов «Национальному объединению» удалось в 10 раз увеличить свое представительство в нижней палате – Национальном собрании.

Политические сдвиги и прежде всего крушение системных партий, находившихся у власти в течение 40 лет, стали результатом серьезных изменений в социальной структуре французского общества и фрагментации среднего класса [Лапина 2021]. Не менее важным фактором политических изменений стала деполитизация французского общества, которая приобрела специфические

формы: французы все реже участвуют в выборах, все меньше доверяют институтам политического представительства и политикам, делая ставку на институты прямой демократии (проведение референдумов). В политической науке это противоречие получило наименование «демократического разлома» [Рубин 2021].

В течение 2023 г. во Франции резко обострились отношения между обществом и властью, политический процесс приобрел конфликтогенный характер. Повторно избранный президент ослаблен, поскольку третьего президентского срока у него не будет. По результатам парламентских выборов у президентской партии отсутствует абсолютное большинство в парламенте. А главное, политика главы государства вызывает все более серьезное неприятие обществом. Особенно отчетливо это проявилось в связи с обсуждением пенсионной реформы, увеличивающей возраст выхода на пенсию с 62 до 64 лет. С января во Франции проходят массовые выступления против реформы. Для принятия закона премьер-министр задействовала статью 49.3 Конституции, позволяющую принимать закон без голосования в парламенте. С этого момента социальный протест превратился в политический. Массовые выступления приобретали все более радикальный характер, сопровождалась погромами, поджогами, угрозами в адрес политиков. В современной Франции насилие банализировано [Чернега 2023], часть французов допускают его использование ради достижения поставленных целей.

Во многих странах Европы популисты пришли к власти. В сентябре 2022 г. в Италии победила коалиция правых партий, а лидер правопопулистской партии «Братья Италии» возглавила правительство. Никто из французских экспертов не сомневается, что М. Ле Пен будет участвовать в президентских выборах 2027 г., некоторые полагают, что у нее есть все шансы победить.

С.А. Романенко д.и.н. завсектором Восточной Европы ИНИОНа и известный исследователь-балканист посвятил свой доклад проблемам политического реформатирования постъюгославского пространства. Послевоенный (с 1995 по 2023 г.) период развития этого пространства он разделяет на четыре периода. Первый – 1995–1999 гг. – это этап первичного примирения в результате Эрдутского и Дейтонско-Парижского соглашений ноября-декабря 1995 г., положивших конец войне, соответственно в Хорватии и в Боснии и Герцеговине, а также завершения кризиса в Косове, операции НАТО, резолюции СБ ООН № 1244 и Саммита в Сараево.

Второй этап – годы стабилизации 2000–2008 гг., начавшийся со смены власти в Хорватии и Сербии, к которому добавились кризис в Косове, бомбардировки СРЮ силами НАТО, провозглашение независимости этой территории и прекращение существования СРЮ. Вместе с тем и в Сербии, и в Хорватии пришедшие к власти в 2000 г. партии не смогли решить многие внутренние проблемы. И все же третий период 2008–2014 гг. докладчик

считает возможным характеризовать как период нормализации межгосударственных и межэкономических отношений, преодоления последствий конфликтов 1990-х годов и выстраивания мирной архитектуры и системы безопасности в регионе, при сохранении межгосударственных границ (Косово – единственное исключение). Характерной чертой этих лет стала активизация усилий, направленных на вовлечение государств Западных Балкан в европейские и евроатлантические структуры (ЕС и НАТО). Хорватия и Албания вступили в НАТО в 2009 г., Хорватия – в ЕС в 2013 г.

Наконец, длящийся и ныне, период начался в 2014 г. В Сербии и Хорватии партии либерально-демократического спектра в силу разных причин постепенно утратили свое господствующее положение. И к власти вновь пришли национально-консервативные силы. В Хорватии этот сдвиг проявился в меньшей степени и в ней по-прежнему сохраняется политическая система с реальным соперничеством национально-консервативных и либерально-демократических сил. Это выразилось в существующем ныне соперничестве премьер-министра и президента. В Сербии же постепенно произошло восстановление национально-радикального по политической направленности и персоналистского по сути режима, главной проблемой которого является Косово.

В Боснии и Герцеговине, несмотря на то, что в течение почти 30 лет было проведено большое количество выборов на своих уровнях, они не стали механизмом преодоления межнациональных противоречий и выработки гражданского консенсуса. Прошедшие в Черногории в 2023 г. президентские и парламентские выборы зафиксировали окончание многолетнего периода персоналистского и однопартийного по сути правления, что впрочем не помешало этой стране вступить в НАТО в 2017 г.

Ныне ситуацию на постъюгославском пространстве, на Западных Балканах – составной части Юго-Восточной Европы – определяют несколько конфликтных ситуаций, сведенных к продолжающимся в различных формах процессам национального самоопределения: проблема частичного признания Косова и нормализации отношений между Белградом и Приштиной, что открыло бы перед обеими сторонами значительные международные перспективы, межнациональные и межгосударственные отношения между Сербией и Черногорией; внутривнутриполитические процессы в БиГ, связанные с постепенным устареванием системы, созданной Дейтонскими соглашениями, а также с перспективами присоединения БиГ к ЕС и НАТО; до конца до сих пор не нормализованные отношения между Сербией и Хорватией.

Решение каждой из этих проблем связано с возможностями присоединения всех вышеназванных государств к европейским и евроатлантическим структурам [Пархалина, Романенко 2022]. Этому может способствовать возрождение Открытых Балкан – Албания, Сербия, Северная Македония (член

НАТО с 2020 г.) с возможным присоединением Боснии и Герцеговины, Черногории, а также Косова [Романенко 2021].

Доклад с.н.с. ИНИОНа, к.и.н. А.А. Белинского был посвящен проблематике правого популизма, который стал важным фактором политического развития европейских стран с середины 2010-х годов и особенно в ходе миграционного кризиса 2015 г., а затем последствий коронавируса в 2020–2022 гг. Докладчик обозначил свое выступление, как «Правый марш продолжается. Подъем популистских партий в 2020–2022 гг.». Было подчеркнуто, что период 2015–2017 гг. был отмечен невиданным подъемом правопопулистских и националистических сил в ЕС. Успехи новых правых во Франции, Германии, Австрии, Венгрии и Польше были обусловлены целым рядом причин социально-экономического (безработица, размывание среднего класса), так и политического (кризис либеральной демократии), и даже культурного (страх перед потерей национальной идентичности) характера.

Однако в конечном счете популистская война была погашена усилиями демократических партий.

В соседней с Польшей Германии правопопулистская «АдГ», находящаяся в «блестящей изоляции», хотя и не смогла превзойти свой успех 2017 г., но в то же время сохранила внушительную фракцию в бундестаге.

Гораздо более драматично развивались события во Франции, чья политическая система уже на протяжении многих лет пребывает в состоянии тяжелого кризиса. Пришедший к власти в 2017 г. Э. Макрон обещал стране примирение и решение наболевших проблем, однако его политика неолиберальных реформ лишь еще больше усилила пропасть между богатыми и бедными, процветающими крупными городами и страдающей от последствий глобализации провинцией. Поэтому нет ничего удивительного в том, что период с 2017 по 2022 г. был отмечен усилением популистов, как крайне левого, так и крайне правого толка [Лапина 2021а]. Особенностью президентских выборов 2022 г. стало появление на крайнем правом фланге публициста Э. Земмура со своим движением «Реконкиста». Однако в конечном счете основная борьба за Елисейский дворец развернулась между действующим президентом Э. Макроном и лидером «Национального объединения» М. Ле Пен. Как и пятью годами ранее, оба главных претендента не сумели получить большинство голосов в первом туре, а во втором – так называемый «республиканский фронт» – объединение всех сил вокруг кандидата от центральных сил – обеспечил Макрону победу.

Хотя парламентские выборы в Австрии состоятся только в 2024 г., однако многое указывает на то, что праворадикальные популисты могут побороться за первое место на выборах. Несмотря на ряд громких коррупционных скандалов, окончившихся отставкой руководства партии [Белинский 2018]. «Австрийская партия “Австрийская партия свободы” не только сумела вернуть утраченные

позиции, но и обойти своих конкурентов. Этому во многом способствовали не только раздоры в лагере правящей коалиции и социал-демократов, но и то, что отстаиваемые австрийскими правыми идеи по-прежнему пользуются популярностью у части населения [Белинский 2023]. Если АПС пока только надеется на успех на предстоящих парламентских выборах, венгерский премьер-министр и лидер консервативной партии «Фидес» В. Орбан уже отпраздновал уверенную победу весной 2022 г. Несмотря на сплочение всех оппозиционных сил вокруг фигуры мэра небольшого городка Петера Марки-Заи, это совершенно не помешало «Фидес» одержать уверенную победу на выборах.

Триумфом праворадикальных популистов стали и выборы в Италии, где лидер достаточно молодой партии «Братья Италии» Дж. Мелони, оттеснив своих конкурентов в правом лагере, сумела одержать победу и стать премьер-министром.

Таким образом, электоральный цикл 2020–2023 гг. убедительно показал, что правый популизм стал частью европейского политического ландшафта, а это, в свою очередь требует от крупных политических партий и гражданского общества новой стратегии в отношении новых правых.

Ведущий научный сотрудник ИНИОН, к.и.н. Биткова Т.Г. посвятила свое выступление теме политических течений в Румынии и Венгрии.

Докладчик отметила, что к середине 1990-х годов в Румынии и Венгрии наметился почти весь спектр европейских политических течений: консерваторы, либералы, левоцентристы, левые коммунисты (в Венгрии), ультраправые и умеренные националисты. Однако вес и соотношение их в политической структуре стран различен.

К осени 1989 г. в Венгрии мирным путем уже были согласованы и юридически оформлены все основные параметры перехода к парламентской демократии. В октябре 1989 г. Венгерская социалистическая рабочая партия, сменив название на Венгерскую социалистическую партию, изменила и свои идеологические основы, по сути, на социал-демократические и либеральные.

В Венгрии, в отличие от Румынии, к середине 1990-х почти сложился альянс национально-консервативных сил, где с годами стала преобладать Партия Фидес – Венгерский гражданский союз. Фидес (в коалиции с младшим партнером – Христианско-демократической народной партией) с 2010 г. занимает доминирующее место в политической структуре общества. Образ партии, как и образ ее лидера – премьера Виктора Орбана, стали синонимами социально ориентированного консерватизма, популизма и одновременно авторитаризма, а во внешней политике – «белой вороны» Евросоюза.

Румыния шла к европейским ценностям через кровавую революцию, кровь продолжала литься и в 1990-е годы, но одновременно формировались политические партии. Самопровозглашенный в декабре 1989 г. Фронт нацио-

нального спасения, постепенно трансформируясь, превратился в респектабельную Социал-демократическую партию.

Ее праволиберальные и консервативные оппоненты, в том числе из возрожденных «исторических» партий, долго не могли найти общий язык, чтобы противостоять новоявленным социал-демократам, которых они подозревали в скрытых коммунистических симпатиях.

Только в 2014 г. можно говорить о достаточно устоявшейся Национал-либеральной партии как основном оппоненте социал-демократии. Однако социал-демократы, даже находясь в оппозиции, остаются самой сплоченной, организованной и влиятельной политической силой.

В отличие от Венгрии в Румынии нет зарегистрированной левой партии, которая считала бы себя наследницей румынской компартии: слишком велика степень отторжения от прошлого, которое к тому же ассоциируется со всемогущей спецслужбой Секуритате.

В обеих странах сразу после смены режима отчетливо заявили о себе националисты, в том числе крайне радикальные. Как у румынских, так и венгерских радикалов отмечается много общих, но одновременно противоположных по смыслу лозунгов. И те, и другие желают вернуть свои страны к границам 1918 г., вступая между собой в непреодолимый конфликт.

Румыния, в отличие от Венгрии, имеет полупрезидентскую форму правления, где роль президента велика, но срок пребывания у власти ограничен, а правительство формируется по результатам парламентских выборов. При сложившейся в Румынии политической системе совершенно невозможен авторитаризм, как это произошло в Венгрии, где действует парламентская форма правления.

Все участники дискуссии в данной сессии обращали внимание на то, что на протяжении последних трех-четырех лет (пандемия COVID-19, а затем российско-украинский конфликт, горячая фаза которого проходит в центре Европы) происходят события, которые в значительной мере повлияли на переформатирование политического ландшафта различных европейских государств. При этом они отмечали, что предпосылки данного переформатирования складывались с середины второго десятилетия XXI в., а именно со времени обострения отношений между Россией и Западом после 2014 г., затем Ближневосточного кризиса (Сирия), следствием которого был миграционный кризис 2015–2017 гг.

Экономика – одна из тех сфер, которая неизбежно страдает от любого конфликта, вне зависимости от причин его возникновения. Поэтому третья сессия конференции была посвящена проблематике экономического измерения кризиса. Участники постарались ответить на вопросы: политика основных игроков в условиях санкционной войны, каковы изменения финансовой

стратегии в условиях воздействия трансформирующих факторов, каковы социально-экономические последствия конфликта.

Доклад директора ИНИОН РАН, д.э.н А.В. Кузнецова назывался «Ослабление экономических позиций ЕС: объективная реальность или результат политических процессов». В своем выступлении докладчик на основе статистических данных сделал вывод об ослаблении экономических позиций Евросоюза за последние несколько лет и, подвергнув критическому анализу политику ЕС в отношении России, пришел к заключению, согласно которому ослабление экономических позиций этого интеграционного комплекса связано не столько с объективными реалиями, сколько с серией серьезных просчетов. Вместе с тем докладчик отметил, что ЕС все еще обладает достаточным потенциалом, чтобы оставаться одним из серьезных игроков в мировой политике и экономике.

Доклад ведущего эксперта Фонда «Центр политических технологий» к.э.н. Н.И. Масленникова был представлен с названием «Глобальная экономика: структурные изменения». Докладчик подчеркнул, что повышенная скорость структурных трансформаций в настоящее время является характерным признаком изменений перемен как в глобальном хозяйстве в целом, так и в национальных составляющих, в частности. Причем речь идет не столько о решениях, влияющих на политику каждого «из игроков» большого «раха есопотиса» и перераспределение удельных весов стран в глобальном «макропироге», но и об изменениях в условиях ведения бизнеса, потребительского и стратегического поведения населения, содержания практик правительств и центральных банков, а также институциональных дизайнов международных торговых, инвестиционных и технологических обществ. Снижается управление глобальными рисками.

Докладчик отметил, что новая экономическая реальность складывалась под воздействием пандемии COVID-19, а затем под воздействием геополитической напряженности в связи с конфликтом в Украине и беспрецедентными антироссийскими санкциями. Что касается геоэкономического прогнозирования, то оно предполагает учет фактора геоэкономической фрагментации, которая возрастает.

Торговая война США и Китая, Брекзит, пандемия коронавируса, конфликт в Украине привели к тому, что многозначительная тенденция к сокращению торговых барьеров в мире поменяла направление. При этом тенденция к протекционистским мерам подпитывается промышленной политикой в США, ЕС, Китае, перестройкой логистических центров, изменениями условий банковского кредитования, платежей и расчетов для компаний, которые не вписываются в этот тренд.

Усиливается тенденция глобальной экономической дезинтеграции, когда главный удар принимает на себя международная торговля. Делаются прогнозы

о ежегодных потерях глобального ВВП в 0,3%, что примерно равно годовому производству Норвегии. Выдвигается гипотеза, согласно которой все страны будут вынуждены выбирать либо евроатлантический экономический блок, либо китаецентричный (с участием России) при отсутствии межблоковой торговли (в этом варианте глобальные потери могут составить 2,3% мирового ВВП).

Важно иметь в виду, что ожидаемый геоэкономический фронт разворачивается в контексте уже идущей структурной трансформации глобальной экономики, проявляющейся в замедлении мирового роста.

Характерной приметой 2023 г. являются выраженные различия «скоростных режимов» ведущих экономик мира. Замедление сосредоточено в основном в странах с развитой экономикой. 9% из них отметят 2023 г. со снижением темпов роста с 2,7% (в 2022 оно составило 1,3%). Основной вклад в глобальную макродинамику внесут крупные развивающиеся экономики (темпы роста Китая ожидаются в 5,4%, Индии – в 6%, Индонезии – в 4,7%).

Докладчик отметил, что торможение глобальной макродинамики уже сказалось разворотом тренда к снижению мирового неравенства. Не просматривается и рост общей факторной производительности фонда, где возникло новое «узкое место» – в 2022 г. впервые за десятилетие инвестиции, связанные с искусственным интеллектом, сократились на 27% в годовом выражении. Усиливается недостижимость рынков труда в мире.

В заключение Н.И. Масленников отметил, что ожидаемые структурные трансформации в глобальном хозяйстве вполне можно охарактеризовать как «транзит в неопределенность». Он выразил надежду, что новый облик экономического мира сохранит свою целостность, ибо всем его участникам есть что терять. Осознание этого – ключ к преодолению текущего кризиса в геополитике и международной безопасности.

Известный российский экономист профессор, д.э.н. Гонтмахер Е.Ш. посвятил свое выступление проблематике существования российской экономики в условиях санкций.

Докладчик отметил, что после введения беспрецедентных по масштабу санкций против России многие эксперты прогнозировали обвал российской экономики. Так, в частности, ожидалось по итогам 2022 г. падение ВВП не менее 5%. Однако этого не произошло: российский ВВП снизился, согласно данным Росстата, всего на 2,1%.

Не произошло и социальной катастрофы, основными признаками которой является: гиперинфляция, дефицит товаров в магазинах и банковская паника (массовое снятие вкладчиков денег со своих счетов). Так, инфляция по итогам 2022 г. составила 12%, что немало, но недостаточно для возникновения гиперинфляции, что подтверждается снижением темпа роста цен в первые

месяцы 2023 г. Объем средств, хранящихся на банковских счетах, практически не изменился, дефицита товаров в магазинах не наблюдалось.

Такой результат санкционной политики в отношении России связан с несколькими объективными обстоятельствами:

1) наиболее чувствительные для российской экономики санкции, касающиеся ограничения на экспорт нефти, газа, угля, древесины, а также стали вводились в действие постепенно и начали сказываться на доходах бюджета только в первом квартале 2023 г.;

2) Россия достаточно активно использовала каналы так называемого «параллельного импорта» для завоза в страну необходимых товаров, в том числе двойного назначения;

3) за счет значительных финансовых резервов, накопленных в предыдущие годы, были произведены дополнительные выплаты семьям с детьми, пенсионерам и другим социально уязвимым группам;

4) население России в своей массе весьма адаптивно к постепенному снижению его реальных доходов, которое происходит уже практически десять лет. Необходимо учитывать, что за 2000–2008 гг. реальные доходы населения, благодаря быстрому росту цен на российский сырьевой экспорт, увеличилась в 2,3 раза, а их накопленное падение за 2014–2022 гг. составляет в среднем 15%. Сопоставление этих цифр во многом объясняет социальную устойчивость российского общества.

Однако перспективы развития социально-экономической ситуации в 2023 г. не столь оптимистичны. Дело в том, что в этом году санкционное давление резко усилилось, во-первых, из-за вступления в действие в полном объеме ограничительных мер в отношении России и, во-вторых, принятия очередных санкционных пакетов.

Но главные риски заключаются в том, что начинают сказываться технологические последствия разрыва экономических связей с наиболее развитыми странами: остро не хватает комплектующих, которые не производятся на территории России и ввоз их по каналам «параллельного импорта» становится все более затрудненным и дорогостоящим. Докладчик высказал предположение, что в среднесрочной перспективе, если нынешние тренды не изменятся, то произойдет качественное технологическое отставание целых отраслей, которые, тем самым, не смогут производить конкурентоспособную даже для азиатских рынков продукцию. Стратегия импортозамещения, учитывая ограниченную технологическую, инновационную и человеческую базу страны, не сможет остановить этот процесс. Тем самым российская экономика рискует потерять статус среднеразвитой, что неизбежно скажется на уровне жизни большинства населения.

Именно поэтому сейчас назрела необходимость разработки и реализации стратегии возвращения России в глобальные цепочки производства прибав-

ленной стоимости, что невозможно без глубокого осмысления будущего страны в миросистеме XXI в.

Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН д.э.н. М.В. Клинова сосредоточилась на теме энергетической безопасности. Она назвала свой доклад «Энергетическая безопасность как общественное благо».

М.В. Клинова отметила трансформацию условий функционирования общественных благ на фоне мегавывозов в виде изменения климата, геополитических потрясений. Обеспечение общественными благами или создание условий для их предоставления всегда было прерогативой государства, а в нынешних условиях его роль возрастает повсеместно, даже в самых либеральных экономиках.

Положения теории общественных благ методологически связаны с теорией государственного предпринимательства. При этом общественные блага могут предоставлять не только государственные, но и частные предприятия при контроле со стороны государства за соблюдением интересов общества.

Энергобезопасность как общественное благо обычно увязывалась с ископаемым топливом – надежностью поставок углеводородов по стабильным или предсказуемым ценам для стран-потребителей; и с устойчивым платежеспособным спросом – для стран-экспортеров. Сегодня это понятие трансформируется в условиях роста значимости защиты окружающей среды, что также требует внимания и вмешательства со стороны государства на различных уровнях – местном, национальном, глобальном и подразумевает развитие межгосударственного сотрудничества.

В энергетике политика развитых стран, прежде всего ЕС, направлена на переход к низкоуглеродной экономике, что связано не только с заботой о состоянии окружающей среды, но и со стремлением устранить зависимость от одного экспортера ископаемого топлива путем использования ВИЭ из местных ресурсов (солнечная и ветровая энергия). Обеспечение энергобезопасности в ЕС видится в развитии собственных источников энергии.

ЕС планирует отказаться от импорта энергоносителей из России, по крайней мере угля и нефти (предусмотрено 6-м пакетом санкций ЕС, не без труда принятым в июне 2022 г.). Фактически в изменившейся геополитической ситуации под предлогом будущей энергобезопасности подрывается энергобезопасность текущая, если под этим подразумевать стабильность и надежность поставок – в классическом варианте трактовки этого понятия. Такой курс требует радикальных институциональных, технологических, социально-экономических изменений, невозможных без участия государства и межгосударственного сотрудничества.

Государства создают институциональные предпосылки для реализации стратегических целей. Наряду с инвестициями в производство и развитие технологий ВИЭ, они могут покупать чистую энергию для своих объектов

или поощрять вывод потребителей, формируя представление о ВИЭ как об общественном благе. Энергобезопасность добавляется к основному мотиву обращения к ВИЭ – экологичности, т.е. к экологическому фактору энергобезопасности добавляется геополитический.

К 2030 г. Еврокомиссия поставила цель производить из ВИЭ 65% электроэнергии. Как часть энергобезопасности в условиях заявленного в ЕС энергетического перехода, зеленого курса, выделяется новый вид общественных благ – *экологически чистая* энергия, которая не наносит или минимизирует ущерб здоровью и окружающей среде. Нужны крупные начальные вложения с длительным сроком окупаемости. Госрасходы на чистую энергию в Европе превосходят затраты на нее остальных регионов мира более чем в 2,5 раза.

Несмотря на либерализацию и приватизацию, традиционными стратегическими авторами в энергетике и на энергорынках остаются госпредприятия, в том числе в партнерстве с частным капиталом на различных уровнях – от местного до трансграничного. Развивается ГЧП в сфере ВИЭ, например, EdF во Франции, ENI и ENEL в Италии, промышленное партнерство по биометану ВР. Инвестиции только в инфраструктуру производства биометана оценены в 80 млрд евро, но нужны инвестиционные гранты, которых пока нет. Европейские аналитики отмечают отсутствие стратегического видения, а именно – как внедрять в производство биогаз, синтетический газ, биометан. Чтобы реализовать потенциал возобновляемых газов в европейском энергобалансе, надо устранить нормативные и экономические барьеры.

М.В. Клинова уделила внимание мегапакету из пяти документов, принятому в апреле 2023 г. Европарламентом в рамках «Европейского зеленого курса». В числе решений – расширение Европейской системы торговли выбросами, создание Климатического социального фонда для поддержки домохозяйств, микропредприятий, пользователей транспортом. На 75% фонд будет финансироваться от продаж на углеродном рынке «прав на загрязнение» (углеродный рынок в Европе включает 11 тыс. загрязняющих объектов), на 25% – из взносов государств-членов.

В докладе выделено трансграничное углеродное регулирование – налог, названный завуалированно «корректирующим механизмом». Он призван побудить третьи страны соблюдать экологические стандарты для доступа на рынок ЕС. Импортёры железа, стали, алюминия, цемента и др. должны будут оплатить разницу между ценой производства за рубежом и в ЕС. В итоге реализуется французская идея 30-летней давности – ни одна европейская компания не сможет извлечь выгоду от перемещения производства.

ЕС продвигает инвестиции в экологически чистые цепочки создания стоимости при поддержке государства. Продолжится реализация Стратегического плана по производству литиевых аккумуляторных батарей для электромобилей.

Задача государства – смягчить противоречие между императивами экологической политики и энергобезопасности во имя будущих поколений и необходимостью поддерживать уровень жизни ныне живущих. Тем не менее в кратко- и среднесрочной перспективе сокращение импорта энергоносителей из России пока наносит ущерб потребителям, провоцируя рост цен и риск стагнации.

* * *

Подводя итоги дискуссии, многие участники конференции отмечали, что несмотря на крайнюю сложность геополитической ситуации, Европа остается предметом исследования для представителей академических кругов России.

Необходимо анализировать основные тенденции развития континента в политической, военной, экономической, социальной, энергетической, экономической, гуманитарной и других сферах. Залогом успеха является объективный анализ процессов в отдельных европейских странах, в международных и наднациональных институтах.

Ответственность исследователей обусловлена объективным характером анализа происходящих в Европе процессов, альтернативой являются просчеты в прогнозировании реальных тенденций развития.

Библиография

Арзаманова Т.В. Европейская оборона: Пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 21–52.

Белинский А.В. «Восстание против элит»: всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 14–36.

Белинский А.В. Тень Будапешта на Бальхауспласц: Австрия между либеральной демократией и «орбанизацией» // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 1. С. 113–145.

Встреча НАТО в верхах 2022 года // Организация североатлантического договора: офиц. сайт, рус. версия. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_196144.htm (дата обращения: 18.07.2023).

Гусев А. Доклад RAND Corporation: американская политика и траектория российско-украинского конфликта // Международная жизнь: офиц. сайт журнала. 03.03.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/39243> (дата обращения: 18.07.2023).

Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 85–112.

Лапина Н.Ю. Франция в эпоху глобальных трансформаций // Актуальные проблемы Европы. 2021а. № 3. С. 7–27.

Манойло А.В. Современные подходы Европейского союза к созданию собственных вооруженных сил // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 75–94.

Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 53–74.

Никуличев Ю.В. Постоянное структурированное сотрудничество в динамике и перспективе: «Остановка в пути?» // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 95–113.

Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 213–233.

Пархалина Т.Г., Романенко С.А. (2022) Международные отношения в Восточной Европе: проблемы, методы, контуры исследования и перспективы развития // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 2 (114). С. 7–24.

Романенко С.А. Балканы / Юго-Восточная Европа : регион-загадка и регион загадок // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 22–58.

Рубин Л. Неопределенность французской политической жизни: Сдвиг вправо и кризис представительной демократии // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 188–211.

Сидоров А.С. (2023). Военно-политическое измерение европейской интеграции (от де Голля до наших дней). М.: ИНИОН РАН, 2023. 296 с.

Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169.

Сидоров А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 79–108.

Трунов Ф.О. Германо-французские отношения в политико-военной области на современном этапе // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 288–312.

Трунов Ф.О. Основные векторы сотрудничества Германии с Нидерландами и Францией по вопросам совместного укрепления военных потенциалов // Актуальные проблемы Европы. 2020а. № 4. С. 203–224.

Трунов Ф.О. Сотрудничество ФРГ с партнерами по ЕС и НАТО в сфере обороны: Северо- и Центральноевропейское измерения // Актуальные проблемы Европы. 2020б. № 4. С. 170–202.

Трунов Ф.О. Участие ФРГ в стабилизации конфликтогенных государств Азии и Африки // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 187–209.

Трунов Ф.О. (2020с). Особенности участия Германии в урегулировании вооруженного конфликта в Мали // Актуальные проблемы Европы. 2020с. № 2. С. 195–223.

Чернега В.Н. Подходы к созданию «европейской обороны» во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 114–136.

Чернега В.Н. Проблема насилия в протестных движениях // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3. С. 173–193.

Saxer M. The Coming world order // International Politics and Society: [electronic journal]. 14.04.2022. URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/economy-and-ecology/the-return-of-geo-economics-5874/> (дата обращения: 08.07.2023).

Reference

Arzamanova T.V. Evropejskaja oborona: Pazi so mnogimi neizvestnymi [European Defence: a puzzle with many unknowns]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 21–52. (In Russ.)

Belinskii A.V. «Vosstanie protiv elit»: vsplek pravoradikal'nogo populizma v Zapadnoi Evrope [«Rebellion against the elites»: the surge of right-wing populism in Western Europe]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2018. N 2. P. 14–36. (In Russ.)

Belinskii A.V. Ten' Budapeshta na Bal'hauzplac: Avstriya mezhdru liberal'noj demokratiej I «orbanizaciej» [Shadow of Budapest on the Balhausplatz: Austria between liberal democracy and «organization»]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 1. P. 113–145. (In Russ.)

Chernega V.N. Podhody k sozdaniyu «evropejskoj oborony» vo Francii [Various approaches to building of «European Defence» in France]. Aktual'nye Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 114–136. (In Russ.)

Chernega V.N. The problem of violence in protest movements [The problem of violence in protest movements]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2023. N 3. P. 173–193. (In Russ.)

Gusev A. Doklad RAND Sorporation: amerikanskaia politika i traektorii rossiisko-ukrainskogo konflikta [RAND Corporation report: American policy and the trajectory of the Russian-Ukrainian conflict]. Mezhdunarodnaia zhizn' [The international affairs]: ofic. sait of journal. 03.03.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/39243> (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)

Lapina N.Yu. Franciya v epokhu global'nyh transformacij [France in the era of global transformations]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3. P. 7–27. (In Russ.)

Lapina N.Yu. Obshchestvo utachennyh illuzij [Society of lost illusions]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3. P. 85–112. (In Russ.)

Manoilov A.V. Sovremennye podhody Evropejskogo Soyuza k sozdaniyu svoih sobstvennykh vooruzhennykh sil [Modern approaches to of the European UNION to creating own armed its forces]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 75–94. (In Russ.)

Nikitin A.I. Tendencii voenno-politicheskogo razvitiia i voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva stran Evrosoyuza [Trends of military-political development in Europe and of military-technical cooperation between the EU member states]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 53–74. (In Russ.)

Nikulichev Y.V. (2020). Postojannoe strukturirovannoe sotrudnichestvo v dinamike i perspektive: «Ostanovka v puti»? [Permanent Structured Cooperation (The PESVO Program) in its current performance and outlook: A «break on the journey?»]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 95–113. (In Russ.)

Novikova O.N. (2022). Chetvertaja afganskaja vojna Velikobritanii [Britain's Fourth Afghan war]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 213–233. (In Russ.)

Parkhalina T.G., Romanenko S.A. Mezhdunarodnye otnosheniia v Vostochnoj Evrope: problemy, metody, kontury issledovaniia i perspektivy razvitiia [International relations in Eastern Europe: problems, approaches, research limits and perspectives]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 2. P. 7–24. (In Russ.)

Romanenko S.A. Balkany / Yugo-Vostochnaya Evropa : region-zagadka i region zagadok [The Balkans / South-Eastern Europe : the region of mystery and mysteries of the region]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 2. P. 22–58. (In Russ.)

Rubin L. Neopredelennost' frantsuzskoi politicheskoi zhizni: Sdvig vpravo i krizis predstavitel'noi demokratii [The Uncertainty of French Political Life: Shift to the Right and the Crisis of Representative Democracy]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3. P. 188–211. (In Russ.)

Saxer M. The Coming world order // International Politics and Society: [electronic journal]. 14.04.2022. URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/economy-and-ecology/the-return-of-geo-economics-5874/> (date of access: 08.07.2023).

Sidorov A.S. Voennopoliticheskoe izmerenie evropejskoj integratsii (ot de Gollia do nashikh dnei) [Military-political dimension of European integration (from de Gaulle to the present day)]. Moscow: INION RAN, 2023. 296 p. (In Russ.)

Sidorov A.S. «Evropejskaja oborona» cherez prizmu francuzskikh interesov i vozmozhnostej [European Defence through the prism of France's interests and capabilities]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 4. P. 137–169. (In Russ.)

Sidorov A.S. Voenno-politicheskij balans vozmozhnostj Francii v Sahele: jetapy i mehanizmy vyhoda s NVD (The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations) Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 79–108. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Germano-frantsuzskie otnosheniya v politico-voennoi oblasti na sovremennom etape [Contemporary German-French relations in political-military sphere]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2021. N 3. P. 288–312. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Osnovnye vektory sotrudnichestva Germanii s Niderlandami i Frantsiei po voprosam sovmestnogo ukrepleniia voennykh potentsialov [The main vectors of Germany's cooperation with the Netherlands and France on the joint strengthening of military potentials]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020a. N 4. P. 203–224. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Osobennosti uchastiya Germanii v uregulirovanii vooruzhennogo konflikta v Mali [Some features of German participation in the armed conflict management in Mali]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020c. N 2. P. 195–223. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Sotrudnichestvo FRG s partnerami po ES i NATO v sfere oborony: Severo- i central'noevropejskoe izmereniya [German cooperation with the EU and NATO member states in defence strengthening: Northern and Central Europe dimensions]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020b. N 4. P. 170–202. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Uchastie FRG v Stabilization of conflict-generating states in Asia and Africa. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2019. N 4. P. 187–209. (In Russ.)

Vstrecha NATO v verhah 2022 goda [2022 NATO Summit]. Organizacija severoatlantskogo dogovora [North Atlantic Treaty Organization]: official site, Russian version. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_196144.htm (date of access: 18.07.2023). (In Russ.)